

А.С. Павлов

ОДИНОЧЕСТВУЮЩИЙ УМ, ИЛИ ОПЫТ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ

Рецензия на книгу:

Mijuskovic B.L. Consciousness and Loneliness:

Theoria and Praxis. N.Y.: Brill, 2018. 520 p.

Павлов Алексей Сергеевич – аспирант кафедры истории зарубежной философии. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: pavlov.alexey@gmail.com

Предлагаемый текст является рецензией на книгу Бена Лазара Миюсковича «*Consciousness and Loneliness: Theoria and Praxis*» (2018). В последнее время становится очевидной проблема разделенности современной философии на две различные традиции. Об этом свидетельствует рост числа исследований, ставящих цель охватить современную мысль в ее целостности. К числу таких исследований относится и рецензируемая книга американского философа. Он стремится отстоять человеческий микрокосм перед угрозой его забвения философским натурализмом. Но пристальное интереса заслуживает не только указанная антинатуралистическая позиция. Мыслитель подвергает детальному анализу такой экзистенциал человеческого бытия, как одиночество. Привлекаемый автором богатый историко-философский материал является бесспорным достоинством монографии, он же – проблема. Аргументация автора сводится к воспроизведению философских идей прошлого и потому нерелевантна для опровержения современного натурализма. В то же время страницы, на которых обсуждается феномен одиночества, являются наиболее интересной частью книги. Заслуга Миюсковича в том, что он рассматривает одиночество как чувство одиночества *per se*, не подменяя его феноменологический анализ экономическим исследованиям или эволюционистским объяснением. Оправдание самозначимости содержаний сознательного опыта приводит автора к прямой размолвке с натурализмом и, как следствие, принятию небезупречной позиции субстанциального дуализма. Но это не необходимый ход: чтобы содержания нашего сознательного опыта представляли определенную значимость, необязательно преувеличивать онтологическую автономию самого сознательного опыта. Мы можем придерживаться и других, куда более «слабых» онтологических взглядов и не порывать с наукой и убеждениями здравого смысла.

Ключевые слова: Миюскович, одиночество, философия жизни, философия сознания, экзистенциализм

Для цитирования: Павлов А.С. Одиночество у ум, или Опыт экзистенциальной философии сознания // Философский журнал / Philosophy Journal. 2021. Т. 14. № 3. С. 184–192.

История современной философии – во многом история разделения и борьбы. Всякому вступающему в этот мир вскоре ясно, что она рассекается тонким пунктиром на две различные традиции. Это не просто борьба идей, но борьба самих наших *способов* говорить и мыслить о мире. В первом случае мы верим в рациональное познание, полагаемся на сведения науки, стремимся не исказить философию прошлого, но вычленять обсуждавшиеся в ней проблемы и решать их в свете нового дня. Это, как нетрудно догадаться, аналитическая традиция, отталкивающая почти медицинской стерильностью своего ясного, прозрачного стиля. Во втором случае мы пытаемся выйти за узкие рамки академизма и самого языка, мыслить с отсылками к Гегелю, Ницше, Марксу, философии после Хайдеггера и экзистенциалистов. Это так называемая континентальная традиция, весьма разнообразная по своему содержанию и весьма неоднородная по стилю изложения. На протяжении всего двадцатого столетия обе традиции развивались почти параллельно, словно не ведая друг о друге.

Однако в последнее время эта разделенность всё больше бросается в глаза. Становится очевидной необходимость преодоления изолированности обеих традиций, установления диалога между ними и формирования синтетического взгляда на вещи¹. Об этом свидетельствует рост числа исследований, пытающихся охватить современность. Среди таких работ можно указать, например, монографию Маркуса Габриэля² «*Я не есть мозг*», недавно переведенную на русский язык. Книга характерна тем, что, во-первых, автор решительно отказывается признавать раздвоенность современного философского дискурса и, во-вторых, выступает с критикой, как он выражается, «нейроцентризма» в философии сознания.

По сходному пути идет и герой настоящей рецензии – американский философ Бен Лазар Миюскович, работы которого пока еще неизвестны массовому русскоязычному читателю. Он также стремится отстоять богатство и глубину человеческого микрокосма перед угрозой его забвения в рамках натуралистической парадигмы. Но пристального интереса заслуживает не только указанная антинатуралистическая позиция. В своей недавней монографии «*Consciousness and Loneliness: Theory and Praxis*»³ Миюскович подвергает детальному анализу такой значимый экзистенциал человеческого бытия, как одиночество. Соответственно, мы имеем весьма необычное исследование, написанное на стыке двух философских традиций и двух философских дисциплин, а именно философии сознания и философии жизни.

Бесспорным достоинством является то, что автор разрабатывает свою аргументацию в широком историко-философском контексте. Платон и Аристотель, Локк и Юм, Кант и Гегель, Гуссерль и Деннет, – все эти мыслители поставлены в единое пространство вневременного философского диалога.

¹ Этой ограниченности лишены наши философские факультеты, в силу известных исторических и культурных факторов всегда занимавших достаточно отстраненно-наблюдательную позицию.

² Габриэль М. Я не есть мозг. Философия духа для XXI века. М., 2020.

³ Mijuskovic B.L. Consciousness and Loneliness: Theoria and Praxis. N.Y., 2018.

Такое стилистическое решение не дает им «отмалчиваться», «уклоняться» от участия в общей дискуссии, «образовывать» свои закрытые кружки и союзы. Но нетрудно заметить, что эти мыслители также образуют пары противоположностей, изложение ведется в точке напряжения различных теоретических полюсов. Читаем у самого Миюсковича: «Это борьба двух господствующих линий мысли: дуализма, рационализма, идеализма, феноменологии и экзистенциализма с материализмом, механицизмом, детерминизмом, эмпиризмом, феноменализмом, бихевиоризмом и нашими нынешними науками о мозге. Она ставит Платона против Демокрита, Плотина против Эпикура, Августина и Аквината против скептиков и атеистов, Фичино против Валла, Декарта против Гоббса, Лейбница против Локка, Канта против Юма, Гегеля против Маркса, Ф.Г. Брэдли против Д.С. Милля, Гуссерля и Сартра против Д.М. Армстронга и Гилберта Райла, Х.Д. Льюиса и Ричарда Суинбёрна против Б.Ф. Скиннера и Дэниела Деннета. В то время как Боги утверждают реальность самости, рефлексивного самосознания и трансцендентной интенциональности, Титаны, напротив, отстаивают первичность мозга и соответствующих механизмов центральной нервной системы»⁴. Таким образом, борьба достигает своей наивысшей формы, *титаномахии* в гесиодовском смысле этого слова.

Отправным пунктом для аргументации Миюсковича служит кантовская формулировка паралогизмов чистой психологии⁵. Как мы знаем, Кант⁶ считал, что психология покоится на нескольких посылах: а именно, что есть особого рода духовная субстанция, или *душа*, которая по своей природе проста и индивидуальна. Указанные характеристики сознания Миюскович также дополняет атрибутами спонтанности⁷, темпоральности⁸ и качественности⁹, ссылаясь на сочинения Бергсона, Гуссерля, Фрейда и др. Легко догадаться, что такая постановка вопроса влечет за собой субстанциальный дуализм. Эта позиция ныне очень непопулярна в аналитической философии сознания, с представителями которой в данном случае и ведется заочный спор. Однако Миюскович без промедлений объявляет себя субстанциальным дуалистом¹⁰. Более того, он считает, что это вообще единственная позиция, которая не умаляет онтологическую природу нашего сознания и не травмирует психику человека.

Главная претензия Миюсковича к «титанам-материалистам» состоит в том, что они стремятся загнать сознание в прокрустово ложе количественного дискурса. Эта установка, полагает философ, проявляется в суждениях о том, что сознание не спонтанно, но каузально вызвано физическими процессами мозга, что различия между сознаниями человека и животного носят, скорее, количественный, нежели качественный характер, и т.д. Своей пороговой стадии материализм достигает в виде современных редуктивных теорий сознание-тело, подменяющих вопросы «как?» и «почему?» на вопросы «сколько?» и «в какой степени?»¹¹. Эти теории Миюскович вслед

⁴ Mijuskovic B.L. Consciousness and Loneliness: Theoria and Praxis. P. 9.

⁵ Ibid. P. 5–8.

⁶ Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 154–158.

⁷ Mijuskovic B.L. Consciousness and Loneliness. P. 79–112.

⁸ Ibid. P. 113–133.

⁹ Ibid. P. 134–154.

¹⁰ Ibid. P. 227–233.

¹¹ Ibid. P. 248–250.

за американским ученым и философом Раймондом Таллисом клеймет «нейрофренологией» и упрекает в «нейромании» – преувеличении значения сведений, поставляемых науками о мозге¹². В итоге получается, что сознание, на каком бы философском языке мы о нем ни говорили, – это нечто предельно нематериальное, не схватываемое в количественно-субстанциальных понятиях, не поддающееся под натуралистический тип объяснения.

Собственная аргументация автора развивается в двух направлениях, одно из которых мы условно могли бы назвать историко-философским, а второе – практическим, поскольку оно основывается на опыте работы автора в органах опеки и попечительства¹³.

Материалом для историко-философской части аргументации служит богатое наследие классической европейской философии. Однако здесь же таются и главные препятствия на пути к ее надлежащему пониманию. Стиль изложения отличается некоторой скачкообразностью. Скажем, обсуждая тот или иной атрибут сознания в контексте философии Нового времени, автор может переключиться на Античность, акцентировав внимание на нетривиальном фрагменте из платоновских диалогов, а затем противопоставить Платона кому-нибудь из мыслителей XX в. Таким образом, перед нами, без сомнения, уникальное по смелости и масштабу поставляемых задач, но по той же самой причине и довольно неподатливое для беглого прочтения исследование.

В части же своих практических аргументов Миускович стремится продемонстрировать нерелевантность редуктивного объяснения сознания относительно экзистенциального измерения человеческого бытия. Спонтанность сознания, его свободу, неподотчетность протекающим в мозгу нейронным процессам Миускович доказывает на примере отца, который после развода с супругой под покровом ночи проник в ее дом и по необъяснимой причине поджег спальню их общего сына¹⁴. По мысли автора, такого рода примеры ясно доказывают, что нейрофизиологические исследования, равно как и многие натуралистические послышки современной психотерапии, бессильны в предсказании будущих поступков человека.

Отдельное место занимает обсуждение феномена одиночества, под которым обычно понимается сложный комплекс чувств, вызванных неудовлетворенной потребностью в единении с другими людьми¹⁵. Однако проговорить эту общую характеристику, по мысли автора, недостаточно: необходимо также выявить специфические когнитивные структуры, ответственные за них. Автор подозревает, что одиночество коренится в трансцендентальных принципах, формирующих наше самосознание – в том, как мы понимаем окружающий мир и свое в нем присутствие. Для этого в разработку принимаются две модели трансцендентального субъекта, которые можно обозначить как кантианско-фрейдистскую и гегельянскую¹⁶.

Первая усматривает истоки одиночества в зазоре *субъект-объектных* отношений. Тропой, по которой мы следуем к Другому, служит именно объект, не-Я. Но объект не есть что-то пассивное и нефункциональное. Вторжение на территорию субъекта, воздействие на него, осуществляемое со стороны

¹² Mijuskovic B.L. *Consciousness and Loneliness*. P. 303.

¹³ Ibid. P. 252–253.

¹⁴ Ibid. P. 253–254.

¹⁵ Ibid. P. 403–406.

¹⁶ Ibid. P. 407.

не-Я, является необходимым условием формирования здоровой гармоничной личности. Исследования, как отмечает автор, показывают, что у детей, разлученных в первые годы жизни с матерями или выполняющими их роль лицами, наблюдаются значительные отставания в эмоциональном, социальном и интеллектуальном развитии. В этом случае физическое одиночество, одиночество как *оставленность*, приводит к возникновению патологии, по своей симптоматике сходной с расстройствами аутистического спектра. Миюскович ссылается на случай маленькой Даниэллы, которая провела в полной изоляции первые шесть лет своей жизни¹⁷. Впоследствии, попав уже в новую семью, она так и не смогла полностью восстановиться и достичь уровня развития своих сверстников.

В свою очередь, гегельянская модель видит причины одиночества в отношениях *субъект-субъектного* типа, истолковывая последние в рамках диалектики Господина и Раба. Борьба, ставкой в которой является существование, разворачивается уже в отношениях матери и дитя, исполненных диалектическим единством притяжения и отчуждения.

Две объяснительные модели, тем не менее, не противопоставляются, но объединяются в единую классификацию, призванную отразить сложность и многоаспектность природы одиночества. «Динамика одиночества, – поясняет Миюскович, – состоит в чувстве разлуки с другими – с теми, кому мы больше всего хотим *принадлежать* и с кем больше всего хотим *быть*»¹⁸. Она проистекает из невыносимого чувства невозможности достижения близости. В самом деле, принадлежность – наиглубочайший смысл близости, когда как пустота – наиглубочайший смысл одиночества»¹⁹. Стало быть, природа одиночества может быть уяснена через идею нарушения принадлежности, или соединенности, т.е. через понятие разделения (*separation*)²⁰. Так, первый источник одиночества – *объект-объектная разлученность*, извлечение дитя из лона матери. Физический процесс рождения, с одной стороны, дарует биологическую целостность и полноценную субъектность, но, с другой стороны, играет роль первичной психотравмы, определяющей траекторию внутренней жизни субъекта. Далее, до достижения определенного уровня психической зрелости ребенок еще не мыслит себя как нечто исключенное из сферы объектов. В этот период его сознательный опыт еще не дифференцирован, между субъектом и объектом нет непреодолимой пропасти. Но когда эта пропасть неожиданно разверзается, высветляя непроницаемость, как сказал бы Гегель, области бытия-в-себе, имеет место стадия *субъект-объектной разлученности*. Далее запускается процесс социализации, и по мере внедрения в мир субъектов просыпается глубинная горечь, впервые испытанная в момент травмирующего разъединения с матерью. На стадии *субъект-субъектной разлученности* объектом фрустрации становится невозможность исчерпывающего взаимопонимания и взаимопроникновения, несокрушимость стенок наших «я», невидимых для стороннего глаза. Выходит, одиночество продиктовано самой нашей физической и когнитивной природой, является устойчивым признаком нашей сознательной жизни и потому принципиально непреодолимо.

¹⁷ Mijuskovic B.L. Consciousness and Loneliness. P. 408–409.

¹⁸ Курсив автора. – Прим. пер.

¹⁹ Mijuskovic B.L. Consciousness and Loneliness. P. 415.

²⁰ Ibid. P. 419–420.

Как уже было сказано, богатый историко-философский материал, на котором ведется изложение позиции автора, является несомненным достоинством монографии. Но в этом достоинстве кроются и свои проблемы.

Первая из них в значительной мере связана с задаваемой (и задаваемой явно намеренно) автором интертекстуальностью. В самом деле, у Миусковича все философы вовлечены в единый вневременной диалог. Но, присмотревшись, можно заметить, что каждый из них говорит *на своем собственном* характерном для него философском языке. И вопрос в том, до какой степени эти различные философские языки совместимы и могут быть объединены в когерентный дискурс. К примеру, если нас спросят, придерживались ли Плотин и Дэниел Деннет разных взглядов на природу сознания, мы, не обинуясь, дадим положительный ответ: первый разрабатывал идеалистическую метафизику Единого, тогда как второй является последовательным физикалистом. Но, по-видимому, никому и никогда не придет в голову рассматривать Плотина и Деннета как полноценных философских оппонентов: слишком уж велика разделяющая их историческая и концептуальная дистанция. Впрочем, при желании можно было бы попытаться усмотреть и определенные сходства в теоретических построениях Плотина и Деннета. Как и современные философы-иллюзионисты, античные неоплатоники, шутиливо указывает Е.В. Логинов²¹, фактически исключали онтологический статус сознания. Плотин считал, что в действительности все наши сознательные переживания принадлежат Мировой душе, которая проецирует эти сознательные переживания на наши тела. Заметим: чтобы провести эту историко-философскую параллель, нам потребовалось бы переформулировать мысль прошлого на языке современной философии. Однако мы не можем опровергнуть или, наоборот, подтвердить какое-либо суждение Деннета, *просто процитировав* место из платиновских «Эннеад».

В контексте сказанного становится очевидна и другая проблема монографии. Внимательное ее чтение позволяет заключить, что аргументация Миусковича покоится на одной-единственной посылке (т.н. посылке Ахиллеса), которая, в свою очередь, исчерпывающе сводится к кантовским паралогизмам психологии. Но если так, то антинатуралистические аргументы Миусковича – по крайней мере, в историко-философской части, – не вполне убедительны. Мысль философа вращается вокруг разрыва между вопросами «как?» и «сколько?», несхватываемостью качественного аспекта сознания в количественных моделях его объяснения. Между тем, в аналитической философии этот вопрос обсуждается по меньшей мере с 1980-х гг. в рамках дискуссий вокруг проблемы *провала в объяснении*²². И, как настаивают многие редуktivистски настроенные авторы, недостаточно просто сослаться на понятие бессмертной души, чтобы опровергнуть идею зависимости ментального от физического.

Довольно-таки спорными представляются и некоторые из тех доводов Миусковича, которые выше мы назвали практическими. Например, обсуждая тезис Стивена Пинкера²³ о том, что в истории человечества наблюдается

²¹ См. запись в официальном Telegram-канале российского философского журнала «Финиковый компот»: <https://t.me/philosophycafemoscow/1182> (дата обращения: 07.12.2020).

²² Levine J. Materialism and qualia: The explanatory gap // Pacific Philosophical Quarterly. 1983. No. 64. P. 354–361.

²³ Pinker S. The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined. N. Y., 2012.

тенденция к снижению уровня агрессии и насилия, Миускович замечает: «Возможно, мы можем по крайней мере заключить, что сегодня мозгам бойцов ИГИЛ²⁴ и террористов-смертников, когда они казнят священнослужителей, сжигают в камерах целые семьи и публично обезглавливают людей, существенным образом не хватает нейропластичности. Их моральная пластичность, несомненно, будет возрастать по мере того, как они будут продолжать эволюционировать»²⁵. Однако Пинкер и сам не отрицает тот очевидный факт, что насилие и зло по-прежнему присутствуют в нашем мире. Тенденция к их снижению, равно как и всякий имеющий эволюционные предпосылки феномен, не может характеризоваться равномерным распределением в популяции. Более того, даже если наши представления о морали действительно предопределены эволюцией, это не означает, что мы не должны бороться со злом. Как подчеркивает Пинкер, такой образ мысли является частным случаем *натуралистической ошибки* – представления о том, что всё, что естественно, является благом просто по самой своей природе.

Страницы, на которых обсуждается феномен одиночества, являются наиболее интересной и выигрышной частью книги. Заслуга Миусковича в том, что он рассматривает одиночество как чувство одиночества *per se*, не подменяя его феноменологический анализ экономическим исследованием или эволюционистским объяснением – тем, чем как раз порою и грешат парадигматические представители противоположных по другим вопросам философских традиций. В самом деле, редуктивные теории оставляют впечатление объяснительной неполноты даже в отношении таких простейших ощущений, как боль. Что и говорить о сложнейшей палитре человеческих чувств и переживаний, открывающейся перед нами уже в тот момент, когда мы отрываемся от чтения популярного философа-иллюзиониста и возвращаемся к нашей повседневной жизни!

Оправдание самозначимости содержаний сознательного опыта – и, в частности, той его области, которую принято называть экзистенциальной, – приводит автора к прямой размолвке с натурализмом и, как следствие, принятию небезупречной позиции субстанциального дуализма. Но представляется, что это вовсе не необходимый ход. Чтобы *содержания* нашего сознательного опыта представляли значимость, необязательно преувеличивать онтологическую автономию *самого сознательного опыта*. Даже если мы на мгновение согласимся с иллюзионистами и исключим онтологический статус феноменального сознания, это никоим образом не помешает тому, чтобы в наших организмах по-прежнему порождался туннель сознающего эго²⁶. Иными словами, из того, что *меня* в строгом смысле этого слова нет, вовсе не следует, что я перестаю *быть собой* – сознающим субъектом, не чуждым всех радостей и печалей человеческого жизни. Признание несостоятельности веры в существование субстанциального Я не освобождает меня от страха, тревоги и тоски, приистекающими из самого давящего на меня и замкнутого в себе имманентного материального мира. Пусть даже сознание суть иллюзия – в таком случае это одна из величайших иллюзий. Содержания нашего сознательного опыта действительно заслуживают

²⁴ Запрещенная в России террористическая организация. – *Прим. пер.*

²⁵ *Mijuskovic B.L. Consciousness and Loneliness. P. 300.*

²⁶ *Метцингер Т. Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель Эго. М., 2017.*

не меньшего исследовательского внимания, чем и фундирующие их нейронные процессы мозга.

Сказанное, впрочем, не является прямым призывом принять редуктивное объяснение, с апологетами которого полемизирует Мижускович. Мы можем придерживаться и других, куда более «слабых» онтологических взглядов. Скорее, это призыв не порывать с наукой и убеждениями здравого смысла *раньше времени*.

Современной философии, расслаивающейся на два непересекающихся дискурса, действительно недостает более широкой – если так можно выразиться, *нейроэкзистенциалистской*, – оптики, учитывающей, с одной стороны, проверяемые свидетельства наук о мозге и, с другой стороны, полноту человеческого опыта. Соответственно, мы можем рассматривать обсуждаемую книгу как первый шаг на пути к разработке такой удовлетворяющей мировоззренческие запросы современности оптики. Это интересное исследование, привлекательное россыпями поднимаемых в нем вопросов, а также задел для взывающей к своему выполнению очень важной философской работы. В конце концов, от того, как в свете стремительно детализируемой научной картины мира мы определим в человеке *человеческое*, зависит наше будущее – не как абстрактных «классов» или «видов», а как индивидов в их неизбежной, неумолимой партикулярности, *нас самих*.

Список литературы

- Габриэль М. Я не есть мозг. Философия духа для XXI века / Пер. с нем. Д. Мироновой. М.: URSS, 2020. 304 с.
- Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука / Пер. с нем. В.С. Соловьева // Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965. С. 69–210.
- Метцингер Т. Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель Эго / Пер. с англ. Г. Соколовой. М.: АСТ, 2017. 416 с.
- Levine J. Materialism and qualia: The explanatory gap // Pacific Philosophical Quarterly. 1983. No. 64. P. 354–361.
- Mijuskovic B.L. Consciousness and Loneliness: Theoria and Praxis. N.Y.: Brill, 2018. 520 p.
- Pinker S. The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined. N.Y.: Penguin Books, 2012. 832 p.

The Lonesome Mind or an attempt of an Existential Philosophy of Mind

A review of
Mijuskovic, B.L. *Consciousness and Loneliness: Theoria and Praxis*. New York: Brill, 2018. 520 pp.

Alexey S. Pavlov

Lomonosov State University. GSP-1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: pavlov.alexey@gmail.com

This article is a review of Ben Lazare Mijuskovic's book «*Consciousness and Loneliness: Theoria and Praxis*» (2018). The problem of the dividedness of the contemporary philosophy into the two different traditions has recently become apparent. This is

evidenced by the growth of a number of investigations aiming to embrace contemporary thought in its wholeness. Among such studies is the new work of American philosopher Ben Lazare Mijuskovic. He attempts to defend the human microcosm from the threat of its neglect by philosophical naturalism. However, it is not only Mijuskovic's anti-naturalistic position that is interesting. He also provides an in-depth analysis of such an *Existenzial* of the human life as loneliness. The rich philosophical material drawn by the author is an indisputable merit of the study. However, this same merit also constitutes a problem. Mijuskovic's arguments are reduced to a mere repetition of the philosophical ideas of the past and are thus unable to undermine contemporary naturalism. Meanwhile, the parts of the study in which the phenomenon of loneliness is discussed are the most interesting part of the book. Mijuskovic discusses loneliness as the feeling of loneliness *per se* and does not replace its phenomenological analysis by an economical investigation or by an evolutionary explanation. The author's recognition of the significance of the content of conscious experience leads him to a disagreement with naturalism and to the acceptance of the position of substance dualism along with its known shortcomings. It seems that such a move is not at all necessary. In order for the content of our conscious experience to become significant, there is no need to exaggerate the ontological autonomy of the very conscious experience. It is always possible to commit to «weaker» ontological views without abandoning the scientific worldview and common sense.

Keywords: Ben Lazare Mijuskovic, existentialism, loneliness, philosophy of life, philosophy of mind

For citation: Pavlov, A.S. "Odnochestvuyushchii um, Ili opyt ekzistentsial'noi filosofii soznaniya" [The Lonesome Mind or an attempt of an Existential Philosophy of Mind], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2021, Vol. 14, No. 3, pp. 184–192. (In Russian)

References

- Gabriel, M. *Ja ne est' mozg. Filosofija duha dlja XXI veka*. [I'm not a Brain: Philosophy of Mind for the 21th Century], trans. by D. Mironova. Moscow: URSS Publ., 2020. 304 pp. (In Russian)
- Kant, I. "Prolegomeny ko vsjakoj budushhej metafizike, mogushhej pojavit'sja kak nauka" [Prolegomena to Any Future Metaphysics That Will Be Able to Present Itself], trans. by V.S. Solovyev, in: I. Kant, *Sochinenija* [Works], Vol. 4, Pt. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1965. 539 pp. (In Russian)
- Levine, J. "Materialism and qualia: The explanatory gap", *Pacific Philosophical Quarterly*, 1983, No. 64, pp. 354–361.
- Metzinger, T. *Nauka o mozge i mif o svojom Ja. Tonnel' Jego* [The Ego Tunnel: The Science of the Mind and the Myth of the Self], trans. by G. Sokolova. Moscow: AST Publ., 2017. 416 pp. (In Russian)
- Mijuskovic, B.L. *Consciousness and Loneliness: Theoria and Praxis*. New York: Brill, 2018. 520 pp.
- Pinker, S. *The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined*. New York: Penguin Books, 2012. 832 pp.